

На правах рукописи

Улазаева Галина Васильевна

**Имя состояния в современном
бурятском и русском языках**

Специальность 10.02.22 - языки народов зарубежных стран Европы, Азии,
Африки, аборигенов Америки и Австралии (монгольские языки)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Улан-Удэ
2004

Работа выполнена на кафедре русского языка Бурятского государственного университета

Научный руководитель — доктор филологических наук,
профессор О. Д. Бухаева

Официальные оппоненты - доктор филологических наук,
профессор Л. Д. Шагдаров,
кандидат филологических наук
С. В. Шойбонова

Ведущая организация - Бурятский институт повышения
квалификации и переподготовки кадров

Защита состоится «25» июня 2004 г. в 10.00 часов на заседании диссертационного совета Д 003. 027. 02 в Институте монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН по адресу: 670047, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Оахьяновой, 6.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Бурятского научного центра СО РАН по адресу: г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6.

Автореферат разослан «24» мая 2004 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
доктор филологических наук

Г. А. Дыршеева

Общая характеристика работы

Актуальность исследования Для выявления общих и своеобразных фактов функционирования имен состояния, закономерностей организации функционально-семантического поля состояния недостаточно материала одного языка, поэтому для анализа выбраны два разноструктурных языка - бурятский и русский. Основанием для сравнения неродственных языков служит наличие в разных языках мира изоморфных черт, общих закономерностей развития языка.

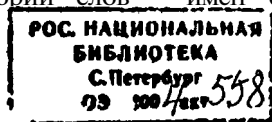
Несмотря на различия в характере бурятской и русской языковых систем, в них есть немало явлений, соотносительных как в грамматическом строе, так и в логическом плане. Наличие этих точек соприкосновения в грамматике языков, принадлежащих к разным языковым семьям, может быть объяснено тем, что законы мышления носят общечеловеческий характер и в равной мере проявляются у всех народов, хотя и находят выражение в разных формах в соответствии с исторически сложившимися законами языка каждого народа.

На современном этапе развития языкознания при смещении интереса ученых-лингвистов из области собственно лингвистических исследований в область изучения ментальности носителей тех или иных языков, при характерной антропологической направленности в качестве приоритетного положения появляется необходимость в поиске новых аспектов исследования слов со значением состояния, в частности, имен состояния.

Актуальность избранной темы обусловлена необходимостью комплексного исследования лексико-семантических, грамматических, словообразовательных свойств русских и бурятских имен состояния в сопоставительном плане. Подобное исследование предполагает выявление общих и различных свойств имен состояния в указанных языках, более глубокое понимание особенностей данного разряда слов на фоне других частей речи.

В настоящей работе решается вопрос о частеречном статусе бурятских имен состояния, исследуются процессы, связанные с формированием имени состояния как самостоятельной части речи в бурятском языке. Уяснение мастеренных свойств бурятских имен состояния создает почву для углубления существующих представлений о природе частей речи.

Состояние изученности проблемы. В научной классификации частей речи одним из наиболее дискуссионных продолжает оставаться вопрос об именах состояния. В русском языкознании с середины XIX-го века усилилось внимание к изучению отличительных черт особой категории слов - имен состояния.

Исследование данного разряда слов в русской лингвистике представлено значительным количеством работ проблемного и описательного характера (А.Х. Востоков, Ф.И.Буслаев, А.А. Шахматов, Л.В. Щерба, В.В. Виноградов, Е.М. Галкина-Федорук, Н.С. Поспелов, В.В. Бабайцева, Н.А. Каламова П.П.Шуба, Н.Ф. Вердиева, А.Б.Шапири, Е.И.Воинова В.М. Жирмунский, Фр. Травничек, О.К. Балиашвили, В.Н. Мигирин, Г.А. Золотова, И.И. Мещанинов и др.). Но, несмотря на обширную литературу с глубокими наблюдениями и обобщениями, некоторые важные вопросы, связанные с проблемами функционирования имен состояния, до конца не изучены: Следует отметить, что данный разряд слов не всеми учеными-лингвистами признается как сформировавшаяся в русском языке часть речи. В связи с этим важно установить, что дает основание большинству ученых-языковедов выделять этот разряд слов как особую часть речи, какие признаки являются для нее определяющими.

В бурятской грамматической науке указанный разряд слов относится к малоизученным. Имена состояния в системе частей речи бурятского языка не выделяются (см., напр., Грамматика бурятского языка 1962, Амоголонов 1958, Доржиев 2002). Категория имен состояния в бурятоведении нуждается в тщательном исследовании и со стороны функциональносемантической, и в плане общей классификации. Обзор литературы по грамматике бурятского языка свидетельствует о том, что материал для исследования имен состояния привлекается лишь эпизодически. Тенденция рассматривать данную группу слов как предикативные наречия характерна для трудов Ц.Ц. Цыдыпова [1981], Д. Дугар-Жабона [1949], предикативами называет данные слова ДС.Доржиева [2000]. Пристальное внимание словам указанного типа уделяет Ж.С. Сажинов в своей «Сопоставительной грамматике русского и бурятского языков» [1984]. Ученый выявляет соответствия русских имен состояния в бурятском языке.

Основной *целью* работы является описание семантических, грамматических и функциональных характеристик имен состояния как самостоятельной части речи в бурятском и русском языках в сопоставительном аспекте.

Поставленная цель диктует решение следующих *заоч.*:

- определение места имен состояния в функционально-семантическом поле состояния;
- выяснение лексико-грамматической специфики имени состояния как части речи;
- определение статуса, словарного состава, принципов дифференциации имен состранитв бурятском и русском языках;

- рассмотрение предложений с именами состояния в соответствии с современными научными принципами, в свете теории коммуникативной грамматики.

Методы исследования. В процессе работы использованы сравнительно-сопоставительный метод, методы компонентного анализа и наблюдения.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые в бурятской грамматической науке предпринята попытка рассмотреть имена состояния как особый разряд слов в системе частей речи (с позиций функционально-коммуникативной грамматики); установлены критерии различения имен состояния от других частей речи; определены сходства и различия бурятских и русских имен состояния; рассматриваемый класс слов дифференцирован на основании выявленных функциональных признаков. При решении проблемы установления общих и специфических черт имен состояния в бурятском и русском языках предлагается ономастиологический подход и системное рассмотрение значения состояния.

Теоретическая и практическая значимость исследования состоит в том, что изучение бурятских имен состояния открывает перспективы для более глубокого осмысления проблемы частей речи вообще и дальнейшего детального исследования конкретных лексико-семантических разрядов имен состояния. Результаты исследования могут служить для учебных и методических нужд, а именно: при составлении научных и практических грамматик сравниваемых языков, при создании научных исследований по сопоставительной грамматике. Выводы относительно универсальных и специфических черт в выражении значения состояния в разноструктурных языках могут быть использованы при чтении лекций по сопоставительной грамматике; отдельные разделы работы могут найти применение в практике преподавания современного бурятского языка.

Апробация материала. Важнейшие положения, диссертации нашли отражение в научных публикациях и докладах, сделанных на научных конференциях в БГУ (Улан-Удэ), КИГИ РАН (Элиста).

По теме диссертации опубликованы четыре научные статьи, две статьи находятся в производстве.

В качестве *материала исследования* были использованы толковые и переводные словари современного бурятского литературного языка; произведения современной художественной литературы, что вызвано учетом стилистической дифференциации функционирования имен состояния: широкая употребительность данного разряда слов характерна именно для литературно-художественного стиля; наблюдения над разговорным языком.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы.

Основное содержание работы

Во введении сформулированы цель и задачи работы, обоснована актуальность и научная новизна исследования, обозначена теоретическая и практическая значимость, указаны методы исследования, характеризуются материал и апробация, сделан краткий обзор состояния изученности этой темы в бурятской и русской грамматической науке.

Глава I - «Имя состояния в современной лингвистике» - посвящена истории изучения имен состояния в русской и бурятской грамматической науке, теоретическим основам выделения данной группы слов как самостоятельной части речи в современной лингвистике, анализу принципов функционально-коммуникативной грамматики, в аспекте которой рассматривается имя состояния.

В §1.1. - «История изучения имени состояния в русской и бурятской грамматической науке» - рассматриваются процессы формирования имени состояния как особого класса слов в системе частей речи русского и бурятского языков.

В русской лингвистике в определении грамматического статуса имен состояния до настоящего времени нет единства. Вопрос о категориальной принадлежности рассматриваемых слов объективно непрост и вызывает серьезные дискуссии. На природу имен состояния в русском языкознании существует три точки зрения: а) одни ученые-исследователи признают имена состояния как самостоятельную часть речи (Л.В. Щерба, В.В. Виноградов, А.Н.Тихонов, Е.М. Галкина-Федорук, Н.С. Поспелов, В.В. Бабайцева, И. Сапожников, Н.А.Каламова, В.П. Тимофеев, Н.Ф. Вердиева, Г.А. Золотова, П.П. Шуба и др.); б) вторая группа исследователей отрицает частеречную самостоятельность имен состояния (А.Б. Шапиро, Фр. Травничек, В.М. Жирмунский, Ф.И. Панков и др.); в) третья группа ученых занимает компромиссную позицию, выделяя имя состояния в особый разряд слов, но не считая их отдельной частью речи (О.К. Балиашвили, В.Н. Мигирин, М.В. Панов, НЛО. Шведова, И.И. Мещанинов, Е.И. Воинова, М.В. Всеволодова, А.А. Камынина и др.).

Для большинства грамматических исследований современного русского языка характерно выделение имени состояния как особой части речи. Точка зрения ученых-лингвистов, согласно которой имя состояния выделяется в самостоятельную часть речи, представляется обоснованной и доказательной.

Серьезные дискуссии вызывает вопрос о терминологическом обозначении рассматриваемой группы слов. Данная группа слов называется по-разному: безлично-предикативные слова, предикативы, предикативные наречия, слова категории состояния. Термин *безлично-предикативные слова* возник в связи с тем, что рассматриваемые слова выполняют синтаксическую функцию сказуемого в так называемом, безличном предложении. Данный термин, на наш взгляд, является недостаточно убедительным, т.к. не учитывает слов, употребляющихся, в двусоставных предложениях. Наблюдения над конкретным языковым материалом свидетельствуют о том, что имена состояния употребляются в особого рода двусоставных (личных неноминативных) предложениях.. Относительно включения имен состояния в *разряд наречий* мы можем указать, что именам состояния чуждо значение признака действия, признака признака, они не способны определять глагол и имя прилагательное. Понятие *предикативы* — достаточно широкое понятие, включающее не только имена состояния, но и другие части речи, выступающие в функции предиката (сказуемого).

Опираясь на концептуальные положения, выдвинутые В.В.Бабайцевой [2000], приходим к выводу, что данный разряд слов правомерно определять как *имя состояния*. Изучение синхронных системных связей имен состояния на -о позволило ей высказать гипотезу о том, что главным источником формирования данных слов являются краткие прилагательные среднего рода. Ученый приходит к выводу: «Анализ системных оппозиций в современном русском языке показывает, что имя состояния ближе по категориальному значению и лексической семантике, по характеру сочетаемости и т.д. - к прилагательным...» [Бабайцева 2000, 49-50]. По ее мнению, употребление имен состояния в функции сказуемого только при наличии связки (или ее нулевой формы в настоящем времени) сближает данные слова с другими именными частями речи [Там же, 49]. Таким образом, отличительной чертой рассматриваемой группы слов является их именной характер.

Наблюдения В.В. Бабайцевой убеждают нас в том, что в системе частей речи более близкими оказываются связи между именами прилагательными и именами состояния, а термин «имя состояния» лучше всех других подходит для терминологической системы обозначения частей речи.

В настоящее время наиболее распространенным в русской грамматической науке является термин *слова категории состояния* (по семантическому критерию). Однако под *категорией* можно понимать самую разную группу языковых элементов, выделяемых на основании какого-либо общего свойства (в широком и узком понимании): категория определен-

ности неопределенности, категория падежа, категория совершенного вида и т.д. Если термин *категория состояния* учитывает семантические особенности рассматриваемой группы слов, то в содержание понятия *имя состояния* включаются и семантические, и грамматические признаки. Достоинством этого термина является также и то, что он не вызывает трудностей при переводе на бурятский язык - *байдалай нэрэ*. В связи с указанным положением считаем возможным определять имя состояния в бурятском языкознании данным термином.

В бурятской грамматической науке, так же как и в русской, категория имен состояния является категорией с неустановленным языковым статусом. Но если в русистике изучению имен состояния посвящено достаточное количество работ проблемного и описательного характера, то в бурятоведении нет специальных работ, в которых описывается данная группа слов. Следует отметить, что изучение имен состояния в русистике не потеряло своей актуальности. В настоящее время возникли условия для изучения данных слов внутри класса, для характеристики дифференцирующих признаков подразрядов указанной группы слов.

В школьных и академических грамматиках бурятского языка имена состояния не выделяются в особую часть речи. В работах Д. Дугар-Жабона, Ц.Ц. Цыдыпова, как указывалось выше, данные, слова рассматриваются как варианты наречий (предикативные наречия). Д.С. Доржиева, описывая модели простых предложений в бурятском языке, рассматривает конструкции с именами состояния, определяя их как предикативы состояния. О том, что многие русские имена состояния в своем функционировании находят аналогию в бурятском языке, писал Ж.С. Сажинов. Он, в частности, указывал, что «в большинстве случаев слова категории состояния при переводе текстов на бурятский язык оказываются употребительными в тех же значениях и синтаксических функциях, что и в русском оригинале» [Сажинов 1984, 117]. Ученый также отмечал, что «слов, которые следует относить к категории состояния, предостаточно» [Там же, 117]. В то же время он считал целесообразным (в методических целях) рассматривать имена состояния в разделе наречий (как предикативные наречия). Анализ же языкового материала свидетельствует о том, что имя состояния не является просто предикативным вариантом наречия, а имеет вполне самостоятельную «нишу» в грамматической системе. По разнообразию семантики (состояние природы, окружающей среды, разные виды состояний человека, оценка, модальность), по грамматическим свойствам, по словообразовательной специфике имя состояния сопоставимо с полноценной частью речи.

Формирование имен состояния как части речи происходит в условиях употребления их в монологических, диалогических, ситуативно-речевых

высказываниях. Несмотря на то, что в бурятском языке численность имен состояния меньше, чем в русском языке, данная группа слов обладает заметным лексико-семантическим потенциалом, что служит свидетельством продуктивности этой части речи.

Специфика имен состояния дает основание Признать их отдельным лексико-грамматическим разрядом слов и утверждать, что данная группа слов занимает особое положение в системе знаменательных частей речи. В связи с современными подходами к изучению грамматического строя бурятского языка, в соответствии с практическими потребностями, появляется необходимость в системном представлении имен состояния как особой части речи.

В настоящей работе при анализе имен состояния опираемся на концептуальное положение А.В.Бондарко о соотношении универсальных и идиоэтнических аспектов семантики, в частности, на положение о том, что «существует общность интерпретационных значений частей речи в разных языках» [1992,13].

Необходимо отметить, что в бурятском языке научная интерпретация слов, подводимых под категорию имен состояния, находится на самом начальном этапе своего становления.

В связи с тем, что в настоящей работе имя состояния рассматривается с позиций функционально-коммуникативной грамматики, во втором параграфе (**1.2. Имя состояния в аспекте функционально-коммуникативной грамматики**) рассмотрены основные принципы функциональной и коммуникативной грамматики, а также понятие «функция», т.к. данное понятие является основным в функциональной грамматике. Анализ имен состояния проводится с точки зрения их функционирования в текстах.

Функциональное описание грамматической структуры как русского, так и бурятского языков позволяет представить ее специфику в системе и функциональном потенциале, без которого невозможен переход к выражению заданных смыслов. Данный подход «обеспечивает единство системно-структурного и функционального аспектов языковой системы, так как языковые единицы и их отношения между собой выделяются с учетом их функционального назначения» [Шелякин 2001, 3].

Анализ имен состояния с функционально-семантических позиций определил комплексный, пересекающий разные уровни языка подход к их изучению.

Глава II - «Функционирование имен состояния в бурятском и русском языках» - включает четыре параграфа, в которых выявляются сходства и различия функционирования имен состояния в рассматриваемых языках.

§ 2.1. - «Имя состояния в функционально-семантическом поле состояния». Язык, представляя собой объективное явление природы и социального развития, характеризуется полевой структурой и определенным образом отражает полевую устроенность мироздания. В разных языках существует функционально-семантическое поле состояния (ФСП)

Для анализа ФСП состояния в § 2.1.1. - **Лингвистическая интерпретация значения «состояние»** - дается интерпретация значения «состояние» с точки зрения лингвистической науки, определяется статус состояния как особого лексического значения.

В настоящей работе, опираясь на концепции Т.А. Булыгиной, О.Н. Селиверстовой, Е.М. Вольф [Семантические типы Предикатов 1982], приходим к выводу, что при анализе состояний необходимо учитывать их соотношение с другими видами с действиями, процессами, т.е. с предикатами, более динамичными, чем состояния, а также с признаками, т.е. с предикатами, более статичными, чем состояния.

В настоящей работе имя состояния рассматривается как разноуровневая категория, поэтому в § 2.1.2. - **Конструкции с именами состояния в функционально-семантическом поле состояния в бурятском и русском языках** - дан краткий анализ теории А.В. Бондарко, которым разработано понятие функционально-семантического поля (ФСП), системно-языкового в своей основе, рассмотрены понятия, лежащие в основе разработанной ученым модели функциональной грамматики. Опираясь на концептуальные положения А.В. Бондарко, приходим к выводу о том, что ФСП состояния представляет собой поле полицентрического типа с диффузной структурой. В системе русского и бурятского языков наблюдается сходство в выражении значения состояния. В ФСП состояния данных языков наиболее высокое положение занимают конструкции с именами состояния, так как семантика состояния является их категориальным значением. Указанные конструкции обладают широкими семантическими возможностями в выражении состояния, что подтверждается богатством лексических типов имен состояния, функционирующих в текстах.

Наблюдения показывают, что содержательная сторона ФСП разных языков имеет общие черты, которые задаются изначально как тот семантический инвариант, вокруг которого группируются разноуровневые средства языковой системы. Именная общность понятийной основы является базой для сопоставления, на фоне которой определяются черты членения семантического пространства в языках разного типа, что в свою очередь, определяется составом ФСП данного языка, т.е. грамматическим статусом и семантикой составляющих его компонентов. «Функционально-семантические поля являются национальной реализацией понятийных

категорий» [Всеволодова 2000, 77], поэтому можно говорить о ФСП русского, бурятского языков и т.п.

В указанном параграфе подробно рассматриваются конструкции с именами состояния в современном бурятском языке, т.к. если в русском языке лексико-грамматический статус имен состояния в общем плане определен, то в системе бурятского языка статус данной категории слов до настоящего времени не выяснен. В бурятской грамматической науке (также как и в русской) существует проблема разграничения имен состояния от других частей речи, анализа лексико-семантических, грамматических, словообразовательных свойств имен состояния. Назрела необходимость исследования процессов, связанных с формированием имени состояния как отдельной части речи в современном бурятском языке.

Имена состояния и в бурятском, и в русском языках выделяются в особую лексико-грамматическую группу на основании совокупности отличительных семантических, морфологических, словообразовательных и синтаксических признаков. Характерным (и ведущим) признаком имен состояния является синтаксический. Л.В.Щерба в работе «О частях речи в русском языке» указывал, что ученый «должен разыскивать, какая классификация особенно настойчиво навязывается самой языковой системой...» [1957, 64]. По мнению Д.А.Алексеева, «при классификации частей речи следует учитывать совокупность всех признаков и прежде всего придерживаться того из них, который является ведущим, наиболее характерным для данной части речи» [1955, 37]. Определяющим фактором для выделения имени состояния как особой части речи явился синтаксический фактор, повлекший за собой изменение лексического значения, морфологических свойств, а также словообразовательной специфики.

Лексико-семантическим значением имен состояния является значение недействительного состояния. К *морфологическим свойствам* данной группы, слов относятся следующие: неизменяемость; соотносительность с теми частями речи, от которых они произошли (с именами прилагательными, существительными - в русском языке и с именами прилагательными, с глаголами - в бурятском языке). Употребляясь со служебным глаголом *банха* (*быть*), имя состояния получает возможность аналитически выражать время и наклонение. О том, что в бурятском языке *байха* является полифункциональным словом, указывает В.В. Егудурова [2003,13]. *Словообразовательно* имена состояния непохожи на другие части речи - они образуются только путем конверсии. Единственной *синтаксической функцией* имен состояния является функция сказуемого в личном неноминативном и инфинитивно-оценочном предложениях.

Форма имени состояния является в сравниваемых языках наиболее иконичным способом выражения неконтролируемого, пассивного, обусловленного состояния - отношения. Для такого отношения важна определенная направленность - от мира к человеку. Отношения, имеющие противоположное направление, - от человека к миру (т.е. к другому человеку, к ситуации), ср., *уурлаха / сердиться* - даже если они имеют причину, не могут принимать форму имени состояния, ср. *Намда ууртай / *Мне сердито.

Указанные признаки имен состояния служат достаточно убедительным доказательством их изолированности от других Знаменательных частей речи.

Характерной приметой внешнего облика имен состояния в русском языке является суффикс -о, в бурятском языке - суффикс -тай (-тэй, -той), а также непроезводимые имена прилагательные.

Решению таких важных проблем, как разграничение частей речи, определение грамматических и лексических границ слова может способствовать понимание сущности конверсии, в результате которой происходит переосмысление слова или словоформы, закрепление за ними иной синтаксической функции, иного категориального значения. Производные слова относятся к разным частям речи, представляют собой функциональные омонимы.

Если в русском языке имена состояния и наречия фонетически и графически тождественны, т.е. представляют собой функциональные омонимы, то в бурятском языке прослеживается несколько иная картина. Наречия в бурятском языке также обозначают признаки действия, качества, предмета, синтаксически служат качественным определением действия и выражают обстоятельственные (пространственно-временные и др.) отношения [Амоголонов 1958, 227; Грамматика бурятского языка 1962, 293]. Выражая признак состояния, наречия в большинстве случаев не совпадают в своем звучании с именами состояния. Ср.: *Тарялангай хажууда ошожо, булжамуурай жэргэхые дууладаг хаа, ямар гое* (имя состояния) *һэн бэ!* (Дашабылов. Шэнэ удэр) / *Как бы было хорошо пойти в поле, послушать пение жаворонков - Нүгөөдыень эрхэлуулжэ...гоеор* (наречие) *хубсалуулжа байха ёһотойиш* (Дамбаев. Инаг гансатаяа уулзалга) / *Другого ты должен баловать...красиво одевать.*

Случаи, когда имя состояния сходно в своем звучании с наречием, редки: а) *Үшөө эртэ байна* ... (Дон. Хиртэһэн һара) / *Еще рано...*; б) *Залуу эхэнь угле в бурихара эртэ бодолсоод, бэриингээ унеэгээ һаахые урмашан хаража, энхэрүү сэдхэлээ ханаан зогсобошье, оройдоашье хараотса ханадагуй* (Цыдендамбаев. Буряад басаган) / *Свекровь каждое утро вставала рано и судовлетворением смотрела, как ее невестка доит коров;* а) *һам*

лэ гээшэ! (Бальбууров. Хубисхалай толон) /Как же хорошо!; б) Тийм даа, улуусэ хайн мэдэхэ (Осодоев. пуулшын, уулзалга) / Да, слитом хорошо знают.

Таким образом, если в русском языке имена состояния и наречия являются функциональными омонимами, то в бурятском языке такое явление встречается редко: имена состояния и наречия чаще всего представляют собой разные лексемы, имеющие разное категориальное значение и выполняющие различные функции.

Ни по семантике, ни по грамматическим признакам имена состояния нельзя однозначно отнести и к разряду прилагательных. Еще Ж.С.Сажинев отмечал, что «в примерах типа *Ой соо шиигтэй* «В лесу сыро»; *Эндэ ухибуудтэ яагаа наартайб* «Здесь как хорошо детям» и т.п. слова *шиигтэй*, *наартай* нельзя считать прилагательными, как трактуется в учебниках бурятского языка» [1984, 117]. В бурятском языке имена состояния связаны с именами прилагательными по происхождению: *Наин ном* (хорошая книга) - имя прилагательное, *намда Наш байна* (мне хорошо) - имя состояния, *бугшэм таһалга* (душная комната), *таһалга соо бугшэм* (в комнате душно).

Имена состояния и имена прилагательные в бурятском языке являются функциональными омонимами: а) - *һэ, бухы эрэшуул тийгээжэ хэлэдэг. Хооһон- магтаал* (Осодоев. Пуулшын уулзалга) / *Все мужчины так говорят. Пустая хвала*: б) - *Досоом хооһон иэнги, - гэнэ Занхар* (Осодоев. Пуулшын уулзалга) / - *Как будто пусто в душе, - говорит Занхар*, а)... *Убгэжволэй убшэнтэй газарын зорюута дайрабаб* (Ябжанов. Хулеэгдээгүй уулзалга) / *Я нарочно задел большое место старика*; б) *Дугар басагыге хусоод, гараһаань бариба. - Таби, убшэнтэй байна.* - *гэбэ Дулма* (Мунгонов. Харьялан урдаа Хелгомнай) / *Догнав девушку, Дугар взял ее за руку. - Отпусти, больно.* - *ответила Дулма.*

В рассмотренных выше примерах в первом случае (а) даны имена прилагательные, во втором (б) - имена состояния. Важно подчеркнуть, что без учета синтаксических связей невозможно определить частеречную принадлежность тех или иных слов.

Лексическое, фонетическое и графическое тождество имен прилагательных и имен состояния не должно быть препятствием в разграничении, данных разрядов слов. Имена состояния от имен прилагательных отграничиваются тем, что не примыкают к определяемым словам, не способны употребляться в качестве, второстепенного члена предложения, отличаются местом расположения в предложении, Общеграмматическое значение имен прилагательных и имен состояния различно: первые обозначают признак и свойства предмета, а вторые - недействительное состояние, не связанное с идеей его производителя. Это различие значений

определило различие синтаксической функции тех и других. В предложении имя прилагательное выступает «определяющим и конкретизирующим словом имен существительных и преимущественно в качестве определения» [Амогинов 1958, 154], но может выполнять и функцию сказуемого при подлежащем, выраженном именем существительным в именительном падеже, являясь присвязочным членом составного именного сказуемого, обозначая определительно-предикативный признак предмета. Имя состояния же выполняет иную синтаксическую функцию - функцию главного члена (сказуемого) в личном неноминативном предложении. Отметим также, что в отличие от имен прилагательных, создающих синтаксическую модель с именем субъекта - носителя предикативного признака в именительном падеже (*Тэнгэри сэлмэг/Небо ясное*), имена состояния создают модели других типов: с именем лица - субъекта состояния в дательном падеже (*Намда муу байна/Мне плохо*); с именем места, среды - носителя состояния с пространственным значением (*Ой соо шиигтэй/В лесу сыро*).

Для некоторых имен состояния характерна утрата генетических и синхронных связей с породившим ее классом, имен прилагательных, что проявляется не только в грамматической, но и в лексической обособленности имен состояния. Например, нет соотносительных форм прилагательных- для таких имен состояния, как *эихэбтэр/стыдно*, *утаа унгартай/дымно*. Чувство *стыда* выражается словами с разными суффиксами: *эихэбтэр/стыдно* имеет значение «испытывать стыд» (*Шамда эихэбтэр бэгий гу?/Тебе не стыдно?*), а *эишэмхэй/стыдливый* - «выражать стыд» (*Эишэмхэй басаган /Стыдливая девушка*).

Базисом для формирования имен состояния как части речи в бурятском языке служат имена прилагательные, употребляющиеся без суффикса, т.е. неизменяемые (*хоохон, уйтан, хаин*), с суффиксами - *тай*, - *той*, - *той* (*аймшагтай, убиэнтэй, гомдолтой*), - *бтэр* (*эихэбтэр*), - *гуй* (*аягуй, гэмгуй*), - *шэг* (*хуйтэшэг, бурэнхышэг*), -еер (*бввлэжэхевр*).

Имена состояния в бурятском языке могут быть выражены сочетанием слов: *абяа шэмээгуй* (*тихо*), *хараатай бэйшэ* (*не видно*), *утаа унгартай* (*дымно*). Слова со значением возможности типа *болоно /можно*, со значением отрицания *болохогуй /нельзя* переходят в разряд имен состояния из категории глагола, теряя при этом присущее глаголу категориальное значение действия.

В русском языке функциональными омонимами могут быть имена состояния и имена существительные в именительном падеже, например, *лень, грех* - имя состояния и *лень, грех* - имя существительное. В бурятском языке функциональными омонимами являются имена состояния и имена существительные-а) в дательном-местном падеже: *Доржодо хундэ*

(имя состояния) *болоод байна / Доржи стало тяжело - Хүндэ* (имя существительное) *хэлэхэдэнь зихэбтэр...* (Цыдендамбаев. Буряад басаган) / *Людям сказать стыдно...*; б) в совместном падеже: *Хусвэтэ дээрэ хаалта бариха хэрэгтэй* (имя состояния) (Мунгонов. Харьялан урдаа Хелгомнай) / *Нужно строить мост на Кусоте - «Хэн бэ? Ямар хэрэгтэй* (имя существительное) *ябааб?» - гэжэ эжы асууба* (Дон. Брынзын санха) / *- Кто это приходил? По какому еще делу пожаловал? - спросила мать* (пер. С. Чагдурова).

Таким образом, в бурятском языке структурно имена состояния в большинстве случаев представляют собой функциональные омонимы с именами прилагательными, значительно реже - с именами существительными, наречиями, глаголами.

Исследование конверсионного перехода из других частей речи в категорию имен состояния способствовало выявлению целостного подхода к изучению источников пополнения данного лексико-грамматического разряда. Функциональная омонимия слов разных частей речи является исключительно важным объектом сопоставительно-типологического анализа, - представляет интерес с позиций национально-культурного своеобразия. Изучение функциональных омонимов раскрывает глубинные особенности структуры того или иного языка.

Чрезвычайно существенным свойством имен состояния является выражение субъекта состояния дательным падежом (наиболее иконичной формой выражения экспериенцера). В научной литературе датив интерпретируется как одна из характерных особенностей русской языковой ментальности, связанная с отсутствием контроля над событием со стороны субъекта, с «пассивностью» состояния [Вежицкая 1996]. Признавая правомерность данного положения, вместе с тем отметим, что сходна значимость, содержательная ценность бурятского датива. Русскому дательному падежу субъекта при имени состояния соответствует бурятский дательный-местный падеж.

В русском языке имена состояния могут управлять: а) винительным падежом: *Жалко сервис* (Арбатова. Последнее письмо к А.); *Мне стало обидно за него*; б) предложным падежом: *В подвале было темно и сыро* (Караваева. Золотой клон); в) творительным падежом с предлогом: *За шкафом пусто*.

При переводе рассмотренных предложений на бурятский язык обнаруживаются сходства в управлении названными падежами, а также различия: а) *Сервис хайратай/Жалко сервис* (винительный падеж). Ср.: *Малаа намаг налхи сооһоо гаргаха хэрэгтэй* (Мунгонов. Харьялан урдаа Хелгомнай) / *Нужно вывести скот из болотистого места*. Относительно управления винительным падежом одушевленного существительного (с предло-

гом) необходимо указать следующее: подобное управление в бурятском языке в принципе возможно, но оно обычно приводит к нарушению коммуникативного узуса (т.е. такую конструкцию можно употребить в речи, но обычно так не говорят), Ср.: **Намда тэрээнэй тунев гомдолтой болоо/Мне стало обидно за него*, б) *Подвал соо харанхы, шиигтэй байгаа/В подвале было темно и сыро* (предложный падеж). Русскому предложному падежу может соответствовать бурятский дательно-местный, падеж: *В доме шумно/Гэртэ шууяатай*; в) при переводе последнего предложения обнаруживается, что значение творительного падежа не совпадает: *Шкафай саана хооһон* (в бурятском языке - родительный падеж) /*За шкафом пусто*. Данные различия объясняются тем, что любой язык имеет свои грамматические особенности, которые находят свое отражение в закономерностях выражения того или иного смысла высказывания, а также тем, что грамматические единицы являются носителями национально-культурной информации.

Анализ языкового материала показывает, что лексика, входящая в общий класс имен состояния, довольно многообразна и многочисленна. В § 2.2. «Разряды имен состояния в бурятском и русском языках» описываются разряды рассматриваемой группы слов. Очевидным является то, что лексико-грамматическая целостность, состав имен состояния как в русском, так и в бурятском языках не является равноценным явлением. Принципы разграничения предикативной общности слов < указанного разряда в русской лингвистике частично описывались в работах таких авторов, как О.К. Озаровский [1964], Е.И. Воинова [1965], Г.А. Золотова [1982,2001], В.М. Брицын [1990], В.В. Бабайцева [2000].

В современном бурятском языке так же, как и в русистике, формируются неравноценные и по составу, и по соотношению определяемых признаков лексико-семантические группы имен состояния; На основании общности интерпретационных значений частей речи в языках разного строя проводятся межъязыковые параллели относительно традиционно выделяемых разрядов имен состояния. Наблюдения над основными семантическими разрядами имен состояния свидетельствуют о том, что указанные группы слов находят отражение как в русском, так и в бурятском языках. Деление имен состояния на разряды обусловлено семантикой, грамматической формой и синтаксической сочетаемостью (к примеру, разряд слов со значением состояния человека сочетается только с дательным субъекта состояния).

Исследование функционально-семантических полей состояния, оценки и модальности дало нам основание предположить, что в бурятском языке, так же как и в русском, в составе одного лексико-грамматического разряда сосуществуют и взаимодействуют слова с *ядерным значением*

состояния, ядерным значением оценки, ядерным значением волеизъявления. Анализ языкового материала свидетельствует о том, что имена состояния по их семантической структуре условно можно разделить на три подгруппы в пределах одной системы:

1) своеобразной визитной карточкой имен состояния являются **имена состояния с ядерным значением состояния лица, окружающей среды, природы**. Функциональной особенностью имен состояния, обозначающих физическое состояние живых существ (*убиэнтэй/больно, гэжээгээнтэй/щекот* Но, *хуйтэн/холодно, бээрэгтэй/зябко, хундэ/тяжело* и т.п.), является недискретность, ерасчлененность самого состояния и среды, в которой оно протекает. Наиболее важной, существенной оказывается здесь «специфика самого тела как качественно особого живого «пространства» - целого самостоятельного мира, в различных частях которого могут происходить процессы и протекать состояния» [Пупынин 1992, 51-51]. Семантика таких слов связана с непосредственным или с опосредованным влиянием объективной среды на субъект.

Выражаемое именами состояния физическое состояние человека представляет собой результат опосредованного взаимодействия организма человека с окружающей действительностью через какой-либо один орган восприятия. Основываясь на концептуальных положениях Н.Ф. Вердиевой [1970], считаем возможным провести межъязыковые параллели относительно обозначенной группы слов. Итак, можно выделить следующие подгруппы имен состояния: а) слова со значением состояния, возникающего при кожных ощущениях: *убиэнтэй (больно), убиэнтэй бэшэ (не больно)* - состояние, возникающее при болевых ощущениях; *халуун (жарко), дулаан (тепло), бээрэгтэй (зябко)* и др. - состояние, возникающее при температурных ощущениях; *уйтан, хабшуу (тесно), уужам (просторно), тааруу, зохид (удобно), хундэ (трудно)* и др. - состояние, возникающее при ощущениях положения и движения человека в пространстве, а также при ощущениях прикосновения и давления; б) слова со значением состояния, возникающего при зрительных и слуховых ощущениях: *хараатай (видно), хараатай бэшэ/харахаар бэшэ (не видно), дуулдаатай (слышно), дуулдаатай бэшэ/ дуулданагуй (не слышно)*; в) слова со значением состояния, возникающего при органических ощущениях - *боолжэхоор (тошно), муу (дурно), улэн (голодно)* и др.

Имена состояния, обозначающие душевное, эмоционально-психическое состояние человека (*эихэйтэр/стыдно, жэхэмээр/жутко, гомдолтой/Обидно, айдахатау/ боязно, хонигуй/ скучно* и т.п.), представляют собой особый тип предикативов, обозначающих ментальные и эмоциональные процессы, в которых преобладает не конкретно-физический, а субъективно-психологический смысл, проявляемый во внутреннем Мире

человека как особом пространстве чувств, ощущений, мыслей [Пупыным 1992, 52].

Возникновение конкретного психического состояния представляет более сложный процесс, так как оно связано не только с воздействием внешнего или внутреннего раздражителя на какой-то орган восприятия и ответной реакцией организма на это воздействие, как при физическом состоянии, но представляет сложное воздействие чувств, ощущений человека, возникших при восприятии предметов и явлений объективной действительности, и эмоционального отношения к этим ощущениям. И в бурятском, и в русском языках невозможно определить средства, способные обозначить те действия самого субъекта, которые приводят к определенному его эмоциональному состоянию; «сам человек не способен каузировать собственно душевное состояние» [Милославский 2002,83]. Человек свое состояние (так называемое внутреннее положение дел) может только чувствовать, воспринимать изнутри.

Важно отметить, что конструкции, с именами состояния, выражающими значение физического и эмоционально-психического состояния человека, отражают конкретную речевую ситуацию. Так, в русском языке одна и та же конструкция *Мне больно* употребляется в ситуации ощущения физической боли и в ситуации душевной боли. В бурятском языке способ представления денотативного содержания подобной конструкции отличается от интерпретации, заключенной в русской модели. Если в ситуации ощущения физической боли для носителей бурятского языка естественной является конструкция *Намда убишэнтэй (байна)*, то в ситуации ощущения душевной боли употребительна модель *Досоом муу байна*. Во втором случае *больно* находит свой смысловый эквивалент в бурятском языке двухкомпонентным сочетанием. Общий тип смыслового содержания имеет различную форму выражения. Очевидно, это зависит от языкового видения человеком мира и позиции говорящего в конкретной коммуникативно-речевой ситуации общения. Коммуниканты, находясь в аналогичных ситуациях, выбирают различные модели, опираясь на систему своего языка.

Имена состояния, обозначающие состояние окружающей среды, природы, обстановки в зависимости от различных семантических оттенков можно разделить на две подгруппы: а) имена состояния, характеризующие окружающую среду, природу посредством органов чувств, сенсорно (*шиигтэй/ сыро, халхитай/ ветрено, халуун/ жарко, хүйтэн/ холодно* и др.); б) имена состояния, характеризующие не природные явления, а окружающую обстановку (*хабишуу/ тесно, уйтан, хооһон/ пусто, намдуу/ тихо* и др.). Указанные слова, в отличие от слов, обозначающих объективное состояние, содержат субъективный оттенок ирреальной

модальности и определяются через призму индивидуальных представлений о различных явлениях действительности. В конструкциях с именами состояния рассматриваемого типа выявляются регулярные отношения с локальным конкретизатором, характеризующим среду проявления состояния: *Ой модой соо абяа шэмээмүй* (Манзаров. Хоер нохой) / *В лесу тихо: Энэ уедэ Галишын гэр дотор дуурэн утаа унаар...*(Намсараев. Уурэй толон) / *В это время в доме Галиши было дьмно...*(пер.М.Степанова); *Мешай хорео соо айхабтар шууяатай...* (Галанов. Алдагдаһан тайлбари) / *В скотном дворе очень ШУМНО...* Характерно, что в конструкциях с именами состояния с ядерным значением состояния природы, среды отмечается высокая семантическая насыщенность.

2) многочисленную группу слов представляют *имена состояния с ядерным значением оценки*. И в русском, и бурятском языках имеются целые слои лексики, предназначенные для выражения оценки: имена существительные, имена прилагательные; наречия, а также имена состояния. Многокомпонентная структура оценочной семантики - оценочный субъект, оценки, объект оценки, основание оценки и ее характер - определяет многообразие видов оценки: морально-этический, эстетический, прагматический, эмоциональный и др. Высказывания с оценочным значением являются одним из самых частых случаев высказываний о состояниях. Оценка является «универсальной категорией: вряд ли существует язык, в котором отсутствует представление о «хорошо/плохо». Однако в способах выражения оценочных значений языки проявляют свою индивидуальность» [Вольф 1985, 9].

Имена состояния, которое участвуют в выражении тех или иных с горой оценочной структуры, в русском и бурятском языках обладают семантическим сходством. Приведем несколько примеров, где встречаются основные виды обозначений состояния с оценочной семантикой: *Тэрээннй ханаандаа оруулхань хундэ* (Мунгонов. Харьялан урдаа Хелгомнай)/*Вспоминать об этом тяжело; хая ороһон саһан дээгуур хэрмэнэй мур мушхэхэдэ, аугуушадта ямар таатай гээшэб!* (Манзаров.Хоер нохой) /*Как хорошо охотникам выслеживать белку по свежесыпавшему снегу!*

В данном параграфе выявляются различия имен состояния с ядерным значением собственно состояния и имен состояния с ядерным значением оценки. В семантике имен состояния и имен оценки отражаются разные связи и отношения внешнего мира: понятие состояния неотделимо от его носителя, оценка же мыслится в связи с оцениваемой субстанцией. Внутреннее состояние связано с физическими ощущениями внутри человека

или с эмоциональными чувствами человека, оценка ситуации отражает точку зрения извне, со стороны.

3) немногочисленную группу слов представляют **имена состояния с ядерным значением волеизъявления**. Данная группа слов включает в себе значение необходимости, возможности, долженствования: *хэрэгтэй (надо, нужно, необходимо), болоно, болохо (можно), болохогуй (нельзя)*. Характерным является то, что в русском языке указанные слова не соотносительны с другими словами, в бурятском же языке данные слова соотносительны с именами прилагательными (*намда хэрэгтэй/мне надо, нужно: хэрэгтэй ном/нужная книга*), глаголами (*ябажа болоно/можно идти; суглаан хаа хаанагуй болоно/повсеместно проходят собрания*), причастием (*бодожо болохогуй/нельзя вставить; ноен болохогуйб/на.чальником не буду*). Следует отметить, что в бурятском языке данные слова находятся на периферии функционально-семантического поля состояния, пересекаясь с полем модальности.

В связи с дискуссиями по вопросу об одно-/двусоставности предложения, безличности и бессубъектности, нуждаются в дальнейшем изучении синтаксическая функция и синтаксическая сочетаемость имен состояния. Анализ синтаксических моделей с именами состояния посвящен § 3 - «Имя состояния с составе предложения». Конструкции с именами состояния представляют несомненный интерес, они являются своеобразными речевыми реализациями двусоставных предложений.

В традиционной грамматике конструкции с именами состояния принято считать односоставными безличными конструкциями. В настоящей работе анализ предложений с указанными словами проводится с опорой на концепцию о двучленности предикативного отношения.

Так называемые односоставные безличные предложения выделяются в системе как русского, так и бурятского языков. В современной лингвистике содержание подобных конструкций является одной из актуальных проблем. Убедительной представляется точка зрения Г.А.Золотовой: «Оправданная, может быть, методическими выводами упрощенность изложения оборачивается потерями в осмыслении, теоретическом и практическом, определенного массива синтаксических конструкций, активно используемых в разных сферах современной речи» [1998, 151].

Основываясь на наблюдениях Г.А. Золотовой, предложения типа *Намда хундэ (байна) / Мне тяжело, Тэрээндэ хуйтэн (байна) / Ему холодно* рассматриваем как личные неноминативные двусоставные. Ученый предполагает, что «сопоставление русского синтаксиса с синтаксической организацией других языков плодотворнее вести не по рубрикам традиционной грамматики, а по координатам сущностных признаков, воз-

можно, пересекающимися в разных языках в разных точках системы и порождающих иные следственные связи между явлениями» [Золотова 1988, 58]. Следует указать, что в настоящей работе разделяем ее мнение о том, что «традиция в грамматике - это интерес и уважение к знаниям, оставленным нам предшествующими поколениями. Но традиционность в смысле застылость, неподвижность, боязнь поиска не свойственна науке по сути ее» [Золотова 2001, 109].

Убедительной представляется точка зрения, согласно которой в рассматриваемых конструкциях есть не только семантический субъект, но и подлежащее, которые приравнены друг другу и могут быть выражены любым падежом, в частности, дативом.

Номинатив включает значение субъекта как инициатора какой-либо активности, датив служит для выражения дополнительного значения «инволютивности». Дательный падеж, после именительного, который представляет собой основную диагностическую форму субъекта-подлежащего, является претендентом на роль имени, занимающего первое место в предложении. Датив может функционировать как главный член предложения, вступающий в предикативную связь с другим главным членом, обозначающим его признак. Не вызывает сомнения тот факт, что подлежащее в форме именительного падежа оказывается для многих моделей несущественным признаком, т.е. не является универсальным положением.

В предложениях типа *Газаа халуун/На улице жарко, Таһалга соо уйтан /В комнате тесно* носителем признака является AMBIENTНОЕ пространство (пространственная среда). При неназванности среды позиция носителя признака может быть заполнена локативом.

Таким образом, «безличные» предложения не представляют категорию односоставности, они личны и двусоставны. Значением категории безличности является «значение произвольности действия или состояния, независимости его от воли субъекта» [Золотова 2001, 120].

Наблюдения показывают, что русское языковое сознание в отражении картины мира использует категорию так называемой безличности значительно чаще, чем языковое сознание носителей бурятского языка. В некоторых случаях вместо «безличных» синтаксических моделей, выражающих значение независимости состояния от воли его носителя, в бурятском языке употребляются личные с подлежащим в именительном падеже: *Би унтажа ядааб /Мне не спится, Би баяртайб/Мне радостно*. Причины широкого распространения так называемых безличных предложений в русском языке, умеренного в бурятском языке, кроются, очевидно, в национальном мышлении, особом менталитете. Большинство языковых решений продиктованы определенной культурой и зависят от

нашего знания и понимания мира; некоторые решения определяются структурой языка, другие являются индивидуальными. Язык и культура, как известно, находятся в сложных отношениях взаимовлияния и взаимозависимости. Несмотря на универсальность некоторых когнитивных процессов, существуют различия в восприятии и категоризации окружающего мира представителями различных лингвокультурных сообществ. Различия эти находят свое отражение в системе языка.

Предложения с именами состояния с разным ядерным значением имеют отличия в синтаксическом плане. Имена состояния с ядерным, значением состояния лица, природы, окружающей среды, обстановки могут образовать законченное предложение с одной только формой датива (с/без инфинитива), имена состояния с ядерным значением оценки образуют законченное предложение только с инфинитивом, который представляет собой подлежащее.

Русскому инфинитиву в бурятском языке соответствует форма причастия будущего времени. В бурятском языке причастие будущего времени в форме датива указывает на конкретную речевую ситуацию, причастие будущего времени в форме номинатива отражает объективную оценку и имеет показатель *гээшэ*.

В русском языке при препозитивном положении инфинитива в нем усиливаются номинативные свойства, в связи с этим в именах состояния усиливается оценочное значение, ослабляется значение состояния. При постпозитивном инфинитиве в нем усиливаются глагольные свойства и ослабляются номинативные, а в именах состояния превалирующим становится значение состояния, что обуславливает более свободную сочетаемость с дательным субъекта.

Характерно, что в бурятском языке причастие будущего времени, соответствующее русскому инфинитиву, не способно занимать постпозитивное положение по отношению к имени состояния. Оно употребляется в позиции подлежащего в предложениях с именами состояния с ядерным значением оценки, но не с именами состояния с ядерным значением собственно состояния. Конструкции типа **Тэрээндэ хухюутэй байгаа санаар ябахадань*, **Ном конин уншахада* являются нарушением коммуникативного зуса. Наблюдения над языковым материалом свидетельствуют о том, что в бурятском языке причастие будущего времени употребляется в позиции подлежащего в предложениях с именами состояния с ядерным значением оценки, но не с именами состояния с ядерным значением собственно состояния.

В основе конструкций с именами состояния с ядерным значением волеизъявления и инфинитивом лежит оценка реализованного отношения к проявлению, названному инфинитивом. Русскому инфинитиву,

употребленному в составе сказуемого с именем состояния с ядерным значением волеизъявления, в бурятском языке соответствует форма причастия будущего времени в именительном падеже (в некоторых случаях - в дательном падеже) и соединительное деепричастие. Характерно, что в русском языке инфинитив может занимать пре- и постпозитивное положение по отношению к имени состояния с ядерным значением волеизъявления; в бурятском же языке имя состояния с данным значением может находиться только в постпозиции. Ср., *Мне нужно идти, Мне идти нужно - Намда ябаха хэрэгтэй, * Намда хэрэгтэй ябаха*. Рассматриваемый состав сказуемого *ябаха хэрэгтэй* характеризуется высокой степенью спаянности компонентов (в сравнении с русским языком). Некоторая синтаксическая несамостоятельность слова *хэрэгтэй* может указывать на тенденцию частичного затемнения его лексического значения, сдвига в сторону неполнозначительности, и шагом в этом направлении может быть то, что в бурятском языке данное слово является специализированным, высокоупотребительным, чрезвычайно унифицированным средством выражения значения необходимости.

Анализ языкового материала свидетельствует о том, что конструкции с именами состояния шире употребляются в художественной и разговорной речи, чем в официально-деловой и научной. В § 2.4. Роль имен состояния в языке художественной литературы рассматривается функционирование имен состояния в художественных произведениях.

Именно в художественных текстах категория имен состояния получает грамматическую и стилистическую определенность. Имена состояния пополняются за счет увеличения семантического объема слова, за счет появления многочисленных переносных значений и употреблений.

В заключении обобщены основные положения и выводы, изложенные в соответствующих главах и параграфах. Исследование показало, что в сравниваемых языках имеются как общие, так и специфические черты в выражении значения состояния, а форма имени состояния является наиболее иконичным способом выражения неконтролируемого, пассивного, обусловленного состояния - отношения. План содержания имен состояния в бурятском и русском языках является универсальным, план же выражения имеет различия, хотя и здесь наблюдается достаточно много точек соприкосновения.

Имена состояния занимают особое положение в языковой картине мира. Выделение этой группы слов в системе частей речи и русского, и бурятского языков как отдельного разряда обусловлено различиями лексико-грамматического значения, особенностями функционирования, различиями в способе отражения действительности.

Имена состояния представляют собой продуктивное, развивающееся явление в бурятском языке, аналогичное группе имен состояния в русистике. Указанный класс слов является в современном языкознании живой развивающейся формой в связи с высокой потребностью языка в выражении состояния человека, природы, оценки. Имя состояния в рассматриваемых языках объединяет в своем составе весьма употребительный в речевом потоке разряд слов, обозначающих состояние в широком понимании.

Настоящее исследование носит поисковый характер, поэтому сделанные в нем выводы, не являются окончательными и требуют дальнейшего изучения имен состояния в бурятском языке: а) с привлечением материала диалогических и монологических структур; б) в аспекте функционирования имен состояния в тексте с позиций коммуникативной грамматики; в) в аспекте корпусной лингвистики, уделяющей основное внимание построению речи в процессе коммуникации.

По теме диссертации опубликованы следующие работы:

1. Улазаева Г.В. К вопросу о межъязыковых параллелях в системе частей речи русского и бурятского языков (на материале слов категории состояния)//Аспирант и соискатель. Москва, 2002,С.178-181.

2. Улазаева Г.В. Слова категории состояния в системе частей речи русского и бурятского языков (к постановке вопроса) //Русский и бурятский языки: проблемы языкознания и методики обучения. Улан-Удэ, 2003.С.155-159. ,

3. Улазаева Г.В. К вопросу о лексико-семантической классификации слов категории, состояния в русском и-бурятском языках//Научный и инновационный потенциал Байкальского региона глазами молодежи. Улан-Удэ, 2003. С. 122-124.

4. Улазаева Г.В. Различия имен состояния и имен прилагательных в бурятском языке//Актуальные проблемы текста: лингвистическая теория и практика обучения. Улан-Удэ, 2004. С. 163-165.

5. Улазаева Г.В. Слова категории состояния в языковой картине мира (на материале русского и бурятского языков)//Молодежь в науке: проблемы, поиски, перспективы, Элиста, 2002 (в производстве).

6. Улазаева Г.В. Q функциональной неоднородности слов категории состояния//Языковое и литературное образование в бурятской начальной школе. Улан-Удэ, 2002 (в производстве).

Подписано в печать 24.05.2004 г. Формат 60x84 1/16.
Бумага офсетная. Объем 1,5 печ. л. Тираж 100. Заказ № 97.

Отпечатано в типографии Изд-ва БНЦ СО РАН,
670047 г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6.

№ 13 937.